

Автор: Елизавета Чернышова

Мерцающая коза

Влажная от пота рубашка в широкую вертикальную полосу неприятно прилегалась к спине приземистого, склонного к полноте мужчины, давно перешагнувшего порог полувека. Летняя жара, так некстати разыгравшаяся в середине апреля, доставляла больше неудобства, чем радости, заставляя испытывать дискомфорт вперемешку с нарастающей тревогой по поводу предстоящего заседания.

Не рискуя пошевелиться лишней раз, чтобы не вызвать поток бисерных соленых капель с напряженного лба, Федор Иванович застыл в весьма неудобной позе, отчего походил на причудливую фигуру из детской игры. Справедливости ради, он не был одинок в своей горе: в лифте, забитом под завязку, никто не чувствовал себя удобно.

— Написали бы уже: «Куплю гараж, недорого», чего мелочится, - из глубины послышался бодрый молодой голос, обладатель которого стоял напротив стены, оклеенной многочисленными бумажками.

Толпа одобрительно заготала, чем непроизвольно вызвала небольшое, но нежелательное движение в кабине, отчего на секунду показалось, что механизмы подъемного троса вот-вот рванут вниз вместе со всей собравшейся компанией.

Федору Ивановичу, зажатому в самой середине толпы, удалось сохранить контроль над подвижностью своей мясистой шеей, однако, ее маневра не хватало, чтобы вникнуть в происходящее и присоединиться к прокатившемуся смеху. Поэтому он в очередной раз ощутил себя не в своей тарелке и принялся покорно дожидаться нужного этажа.

Завсегдатаи лифта арбитражного суда никогда не упускали возможности пустить пару колкостей в адрес расклеенных сообщений о переносе судебных заседаний. А каждый, кто хоть раз бывал в стенах столичного судебного учреждения, ожидал увидеть подобную доску объявлений. Именно незнание этой непримечательной детали выдавало в несколько напуганном Федоре Ивановиче юридического провинциала. Отдельного внимания стоил и его образ: нелепая одежда, клочковатые бакенбарды в компании с козлиной бородкой и пластиковый пакет на оттянутых ручках.

Размеренная жизнь в отдаленном городке никогда не сулила громких процессов, которыми в молодости грезят все амбициозные выпускники университетов, напротив, помогла выстроить стабильную и надежную карьеру, не отличающуюся ни взлетами, ни падениями. А потому слезная мольба дальнего родственника о помощи, неожиданно решившего обанкротиться, стала настоящим событием. Сомнений в своих силах Федор Иванович не испытывал, поскольку регулярно обновлял имеющийся багаж знаний чтением свеженапечатанных кодексов, смущение же ощущал только от толпы людей, снующих с надменными лицами.

Стрелка часов показывала без десяти час. Мужчина прибыл к нужному кабинету без опозданий, имея в запасе еще целых тридцать минут, которые он заранее распланировал на перекус. Имелась у Федора Ивановича особая традиция, ритуал, если хотите, - перед каждым судебным заседанием употреблять пирожок с вишней. И хотя в судах он выступал нечасто, заведенному порядку никогда не изменял, а потому, не зная наверняка будет ли буфет столичного суда располагать нужным пирогом, предусмотрительно привез один с собой.

— И на какое время слушается?

— Не поверите, даже не начинали еще.

На весь коридор послышалось оглушительное откашливание раскрасневшегося провинциала, не сумевшего одновременно есть и воспринимать шокирующую информацию. Слухи о длительных задержках в судах долетали до него и он, будучи предусмотрительным, взял обратный билет на целых два часа позже

необходимого, однако, теперь шансы возвратиться сегодняшним поездом таяли на глазах.

— Позвольте? – подняв глаза, еще полные слез, накативших во время приступа, Федор Иванович увидел подле себя высокого, статного мужчину, в чернильном костюме, сшитом, кажется, точно по меркам. — У вас на сколько назначено?

— Конечно, присаживайтесь. Двадцать минут второго, но, по всей вероятности, вовремя не начнем...

— Так вы значит представитель должника? Будьте любезны, ознакомьтесь с нашей позицией, – голос мужчины был сух и совершенно не располагал к себе.

— И где же она?

— Имейте терпение, – слова оппонента источали яд и медленно сочились сквозь стиснутые зубы.

Представитель, так и не утрудивший назваться, обернулся к небольшому дорожному чемодану на колесиках, который все это время стоял позади него. По наивности ли или от небольшого опыта, однако, Федор Иванович не мог предположить, что содержимое багажа составляют далеко не сменные рубашки или другие дорожные принадлежности. Едва мужчина успел дотронуться до замка, крышка чемодана рванула вверх и позволила обнаружить внутри кипу бумаг, которые, все без исключения, составляли ту самую позицию.

— Позвольте, но разве так можно? Это вопиющее нарушение, каким образом вы мне предлагаете ознакомиться с данным, прошу прощения, талмудом перед заседанием в коридоре!

Вполне уместное негодование Федора Ивановича осталось без внимания. Мужчина в чернильном костюме уселся напротив недоумевающего коллеги, который все еще не мог осознать, что происходящее не розыгрыш, и принялся за чтение своих бумаг, перед этим буркнув что-то вроде «ну и жара». Не вызвала особого интереса разыгравшаяся сцена и у окружающих, ограничившихся только несколькими косыми взглядами с оттенком явного раздражения.

— А кто-нибудь вообще знает, есть ли смысл тут дальше штаны просиживать? Не у всех есть желание и возможность провести в этом заведении целый день, – вопрос, занимавший голову не одного присутствующего, был озвучен скорее в пустоту и выражал общее настроение, однако, на удивление, получил ответ.

— Помощник ответил, что все заседания, назначенные на сегодня, непременно состоятся, якобы судья где-то задерживается, но однозначно будет.

Облегченья никто не получил, а Федору Ивановичу нечего не оставалось как сгорбиться над раскрытым перед ним чемоданом и углубиться в изучение документов. «Коротать время, так с пользой», – утешал себя мужчина. Однако, чем глубже он вникал в содержимое, тем больше запутывался, обнаруживая доселе неизвестные обстоятельства. По словам родственника, по делу которого Федор Иванович теперь хлопотал, ему не повезло – неудачно вложился, прогорел и теперь должен кредиторам пятьсот тысяч рублей, ни больше, ни меньше, которые за неимением средств, не в состоянии отдать. Действительно, обычная, ничем не примечательная история, не будь она ложью. Ведь поручив такое простенькое дельце, родственник забыл упомянуть, что на самом деле долг составлял в сто раз больше заявленного, и сам он скорее не прогорел, а нажился на взятых взаймы деньгах, которые теперь успешно скрывает. Как утаивал до этого три брака, четверых детей, а также все многочисленное и дорогостоящее имущество.

Убедительность, с которой были изложены все приводимые доводы, поражала настолько, что Федор Иванович едва сдерживался от произвольных реплик, лишь иногда поднимая взгляд на сидевшего напротив оппонента. Он был поражен всем собранным материалом и одновременно сбит столку, поскольку едва ли представлял хоть какой-то выход из сложившейся ситуации.

«Однозначно нужно откладывать заседание, иначе никак», – навязчивая мысль пульсировала в голове юриста, смешиваясь с досадой и разочарованием, которые он испытывал то ли к себе, как к профессионалу, не сумевшему обнаружить подвох, то

ли к человеку, так умело воспользовавшемуся его добротой и наивностью. Однако страх поражения еще до начала битвы вынудил мужчину сделать выпад.

— Прошу прощения, - чернильный представитель мгновенно отреагировал на обращение. — Но здесь написана вопиющая клевета, ничего общего с действительностью не имеющая! Провокации и обвинения в адрес моего доверителя подкрепленные сомнительными доказательствами – вот, из чего состоит ваша позиция.

— Раз так, вам не составит труда доказать это суду, переубедить меня же не стоит, - всем видом: надменной ухмылкой, тянущейся речью, мужчина показывал, что считает главным врагом на сегодня Федора Ивановича, которому не удалось отразить контратаку. — А своему доверителю можете передать, что за все когда-нибудь придется расплачиваться.

Брошенные едкие реплики легки на плечи Федора Ивановича неподъемный грузом печали и обиды, размером не меньше того чемодана с бумагами; рядом же присела усталость от бесконечного ожидания. Стрелки часов стремительно приближали наступление вечера, а двери зала судебного заседания все еще не отворялись и продолжали держать в напряжении всех присутствующих, ряды которых, к слову, значительно сократились. В коридорах стихли периодически возникающие стычки оппонентов, перестало доноситься и шуршанье страниц документов, которыми был вооружен каждый сидящий или стоящий юрист, словом, повсеместное томление.

Энергия была неиссякаемым ключом только в сердцах двух студентов, увлеченно рассуждавших о проблемах юридической науки в другой части холла. И хотя голоса их звучали звонко, не все реплики доносились до присутствующих отчетливо.

— ... в этом и дело, что нельзя достоверно узнать, был между ними договор возмездный или безвозмездный.

— Хочешь сказать, что из-за каких-то условий человек то ли должен денег, то ли нет?

— Нет, вроде бы верно понимаешь, но что-то еще там было, дай мне проверить.

— Так как говоришь называется?

— Мерцающая кауза, довольно поэтично, не находишь? И очень подходяще, ведь тоже непостоянно и ... - диалог затих, исчезнув также внезапно, как и появился, но, не оставив Федора Ивановича равнодушным.

Никогда до этого момент ему не приходилось слышать об этом, по всей видимости, новом явлении, таком необычном, но интересном; поистине загадочное сочетание, смелое и яркое. Наверняка оно могло бы стать полезным инструментом в его практике, узнай он о нем больше.

— Извините мое невежество, - погоня за новыми знаниями была для Федора Ивановича дороже ущемленного самолюбия, поэтому мужчина не постеснялся снова обратиться к своему оппоненту, — но не слышали ли вы когда-нибудь о мерцающей козе?

— О чем? – чернильный представитель смутился, растеряв на секунду всю свою холодность и отчужденность.

— Мерцающая коза. Двое студентов только что обсуждали интереснейшую вещь, но, к сожалению, удалились, забрав разговор с собой, а мне он показался довольно занимательным.

Лицо мужчины окутала тень размышлений.

— Нет, знаете, не доводилось встречать в практике, но припоминаю случай с кудрявыми овцами. Можете представить, у одного должника в банкротстве из имущества был только скот да сарай, в котором они все вместе жили. Шерсть у этих парнокопытных теплая, так он прибьется к ним и спит. Хотя экспертиза никаких отклонений не показала, но мужик был явно не от мира сего – понабрал кредитов и купил себе стадо овец, говорит, всегда мечтал жить на пастбище. Ни гроша с него так и не взыскали, остался в кругу своих любимцев.

— Как занимательно, но, думаю, что мерцающая коза – это что-то фигуральное, а самое главное, связанное с деньгами.

— А что в нашем мире не связано с деньгами? Вот мы сейчас сидим здесь как раз из-за них. Ведь поглядите, ночь на дворе, могли бы уже разойтись по домам. Вы, я полагаю, издалека приехали, а все ждете, когда разрешатся проблемы с чужими деньгами, да и я не лучше.

Действительно, солнечный диск давно покинул небосвод, уступив место своему бледнолицому брату, а группа людей, все еще не теряющих надежду на то, что сможет быть услышанной, продолжала нести караул.

— Вижу, вы человек опытный, не подскажите, часто ли случаются подобные задержки?

— Регулярно. Порой мне закрадывается в голову идея: «Не припрятать ли где-нибудь небольшую раскладушку?», но каждый раз разубеждаю себя, – тон представителя уже не звучал надменно и презрительно, а весь диалог все больше походил на дружескую беседу, нежели профессиональное соперничество.

Мужчины перекинулись парой слов о рыбалке, которую, как оказалось, оба очень любили, обсудили планы не предстоящие праздники, сойдясь на том, что их крайне мало и за подобные рабочие дежурства нужно давать как минимум два выходных дополнительно, как неожиданно разговор прервал протяжный телефонный звонок.

— Нужно ответить, – извиняющимся тоном пробормотал Федор Иванович, – виновник торжества объявился.

За все время, проведенное в ожидании, мужчина придумал тысячу фраз, которые намеривался пустить в адрес своего родственника, так безбожно поставившего его в неловкое положение. И поднимая трубку он точно знал, как именно начнет разговор, однако, план так и не осуществился.

— Добрый вечер, дядя Федя! Слышал, что заседание так и не началось, оно и к лучшему. Сегодня встретился со своим дражайшим партнером и, представляете, нам удалось достигнуть консенсуса. Можете себя представить? – родственник на том конце провода говорил сплошным потоком, не позволяя вставить и звука. — Извините, кстати, что не описал полную картину дел, конфиденциальность, понимаете? Никогда нельзя быть в чем-то до конца уверенным. Так вот, сообщите юристу с другой стороны, что дело будет завершено миром и, без зазрения совести, можете выдвигаться домой. Хорошая новость, не так ли? Еще раз благодарю за помощь, зла на меня не держите!

Звонок резко оборвался, а Федор Иванович застыл в исступлении посреди коридора.

— Неужели мировое соглашение заключают? – в голосе представителя звучала нотка истерики.

— Не поверите, но да.

— Каждый раз как первый, ей богу! Посидели бы с наше вот так в судах, вмиг расхотели со всеми подряд судиться.

— Невообразимый день. Послушайте, но только бумаги эти теперь мне куда девать прикажете? Не оставишь же здесь?

— Заберите вместе с чемоданом. Макулатуру уничтожьте, а он на память о нашей встрече останется. Кстати, кажется я, забыл вам представится, – Федор Иванович.

— Так мы с вами тезки, приятно познакомиться.

Неожиданно из-за спины мужчин донесся уставший молодой голос.

— Уважаемые представители, к сожалению, сегодня судебные заседания не состоятся – судья скорострительно скончался. О новой информации сообщим позднее, до свидания.

Стоя на перроне вокзала, весь промокший от проливного дождя, вдарившего за минуту до прибытия поезда, Федор Иванович дал себе слово, что больше никогда не приедет в столичный суд и непременно разберется с мерцающей козой.